

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ИЮЛЬ – АВГУСТ 2017 г. • № 7-8 (249-250) **ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ**
Издается редакцией и Союзом писателей России

Максим ЯКОВЛЕВ

ЦЕНА – ВЫСОКА

Что, у святого царя Николая не осталось верных среди мастеров экрана и сцены? Всё-таки оставлю именно этот-послительный знак – вдруг хоть кто-нибудь из них да откликнется и встанет вместе с теми, кто поднялся против надвигающегося святотатства в виде фильма "Матильда", этого пасквиля на святого великомученика царя Николая II.

К сожалению, на сегодняшний день ни один из числа наших знаменитых, известных и не очень известных мастеров экрана и сцены так и не подал свой голос протеста: ни режиссёр, ни актёр, ни продюсер, ни кинокритик... Да что там – ни один отечественный деятель культуры!

Факт весьма показательный и столь же саморазоблачительный.

В лучшем случае, всё, что исходит от них, – это некая, почти консолидированная глухота, то есть они как бы в другом измерении, как бы это не их проблемы, как бы это очередной скандалчик, мол, пошумит и затихнет. Уходят от ответа, отворачиваются, хранят молчание, за которым – что?

Действительно, что стоит за этим непробиваемым заслоном молчания? Цеховая корпоративная солидарность, типа: "мы с тобой одной крови – ты и я?" или, что попроще, но ближе к телу: не выступишь против своих – себе дороже?

Где же те наши деятели, чей авторитет и заслуги общезвестны и неоспоримы, чьи лица и громкие имена постоянно мелькают в СМИ? И что мы слышим от них? А слышим мы от тех из них, кто изволил высказаться на эту тему, почти слово в слово от каждого, одно и то же: "нельзя судить о фильме, который никто не видел". Что подаётся безапелляционным тоном, как некая абсолютная, непререкаемая истина.

Но такая ли уж истина на самом деле?

Вспомним схожую ситуацию с фильмом Скорсезе "Последнее искушение Христа" перед его показом на НТВ. Тогда точно так же, как и теперь, была в ходу эта фраза: "нельзя судить о фильме, который ещё не видели", обращённая к патриарху Александру II в ответ на его просьбу от себя лично и от лица всех верующих и всех разумных людей не демонстрировать кощунственный и оскорбительный фильм на телеэкране. Разумеется, звалили и другие изблюбленные в интеллигентской публике либерализмы о свободе слова и творчества, о неприкасаемом самовыражении художника и его праве на вымысел, – опять же до словно подхваченные в нынешней ситуации группой заступников фильма "Матильда" и его обожженного создателя. Фильм, назло протестующим, был показан. Только вот что-то не припомнится после показа никого, кто бы пристыдил святейшего в его предвзятости и неправооте; никто не сказал: ну, какое же здесь кощунство и оскорбление? всё вполне пристойно и исторично. Где они, обличители православной дремучести и невежества в искусстве? И никто из тех умников (по крайней мере, публично) не вступился постфактум за тот кинопасквиль. Тем самым подтвердилась, разделяемая многими, правота патриарха.

Да было поздно! То есть, всячески защищали это дерьмо, дали нагадить им в души, увидели, что это действительно оно, и спокойно умили руки...

Итак, мы имеем дело со следующими аргументами.

Главный из них: "никто не имеет права судить о произведении (фильме, спектакле, опере и т.д.) до тех пор, пока не увидит его", – этаким идол современного искусства, увещанный словно язвочками ленточками заклинаниями о "свободе художника", "о самовыражении" и прочими либеральными феньками...

Что ж, давайте порассуждаем.

Имеет ли право человек, почтующий святого царя Николая II, судить о фильме "Матильда" прежде его показа, если:

– знает, что этот кинопроект был профинансирован в рамках программы, посвящённой столетию катастрофических для Российской империи, для императора Николая II и его царской семьи событий,х, но сюжет этого фильма повествует о малозначительном эпизоде из жизни тогда ещё наследника Николая Александровича: его увлечении столичной прима-балериной Кшесинской, что не имеет никакого отношения к событиям столетней давности, и, тем самым, является оскорбительным, как в отношении к тому трагическому периоду, так и непосредственно к святому царю Николаю;

– знает, что в упомянутом эпизоде с Кшесинской (по свидетельствам современников и заинтересованных лиц, включая саму Кшесинскую, а кроме того по мнению авторитетных историков), не существует никакого намека на роман с элементами какой бы то ни было эротики, тем более постельных сцен, но, в распространённом рекламном ролике фильма "Матильда" делается упор именно на постельно-эротической версии, вместе с тем, ряд фрагментов носит явно вульгарный характер, что в совокупности позволяет делать вывод о провокационной направленности всего фильма в целом;

– знает, благодаря публикациям, что в сценарии допущены вымышленные, а значит, ложные эпизоды, связанные, например, с церемонией коронации императора Николая II, с тем, что происходило в действительности на Ходякинском Поле, а также с поведением царицы Александры по отношению к Кшесинской и с другими историческими фактами из жизни упомянутых персонажей, что грубо искажает образ царя и его супруги, преподнося их явно в нега-

Валерий СКРИПКО

Если образно пред- ставить наш рос- сийский коллектив- ный жизненный путь – как исход иудеев из Египта – то наш "ис- ход" видится как шестие пёстрой толпы.

ближайший египетский курорт Шах-Эль-Шейх!

Кто-то кричит, что нельзя слишком часто повторять слово "иудей", потому что это оскорбляет национальные чувства двух примкнувших к толпе бедуинов.

Кто-то требует исключить из пропове-

тивного свете;

– знает, что исполнитель главной роли – немецкий порноактёр, известный по своим отвратительным актёрским работам, в частности, в роли развратного искателя мужеложника, и тому подобным ролям, что в сопоставлении с образом святого царя Николая II, чья безупречная семейная и частная жизнь неоспорима и общепризнанна, воспринимается как нарочитое глумление и издевательство;

– знает режиссёра Учителя по его предыдущим фильмам, ни разу не замеченных в раскрытии нравственной чистоты в человеке, но неизменно изобилующих, вне зависимости от сюжета, половыми актами или близкими к этому развратными сценами, нередко в вызывающе грязной манере; фильмам всегда с каким-то порочным оттенком, буд- то специально озачоченным в извlecении на экран челове- ческой ущербности, низости, подлости, мрачности и вражды, – что в совокупности не оставляет никаких шансов встретит в его новой картине иное, в отличие от прежних, достойное в этическом смысле изображение святого госу- даря-помазанника Николая и святой государыни Александры...

Неужели всего перечисленного недостаточно для того, чтобы иметь представление об этом фильме? Или нужно обязательно погрузиться во всю эту мерзость, которую нам подсовывают под видом правды и только тогда получить право судить о ней?

Что касается пресловутых "свобод" слова, творчества, самовыражения, то любой серьёзный художник скажет, что это просто дутые пузыри и ничего больше. Не бывает полной свободы слова и самовыражения: да мало ли чего в голове творится! – иначе не соблюдали бы никаких приличий, никакой юридической осторожности, хотя бы применительно к самому себе: ведь за кое-что и посадить могут... Или забыли, что искусство это система табу? А табу это определённые рамки, ограничения, и выходящий за эти рамки – выходит из самого искусства. Тот же Учитель оказался не свободным от наглй лжи, подставок, кощунства, похабщины и исторического вранья, он перешёл границу художественного приличия. Он может считать себя художником, но по определению он вне искусства.

Надо ли говорить о наших творцах и лицедеях, что носят крестики, но упорно твердят о каких-то личных свободах, не для них ли сказано Тем, в Чей образ они крестились: "Я (Христос) дам вам истину, и истина сделает вас свободными". Истина Христова – она (и никакая другая!) делает человека свободным: истинно свободным от лжи, разврата, лукавства, всяческого зла и бесчестия. Но "не свободным" от всякой добродетели, от любви, чистоты, сострадания, милосердия...

Забыл ещё по одну либеральную поговорочку: "не хотите, так не смотрите (не слушайте, не читайте)". Этакая лукавая ухмылка над объектом ненависти и презрения. Но не проходит! Дело даже не в том, сколько душ (просто из любопытства) окунутся в эту смердящую пакость, хотя один только этот соблазн тянет на мельничный жернов на одну тем, через кого приходит искушение, а дело в том, что есть разница между готовящимся преступлением и осуществлённым преступлением. Самый акт совершившегося преступления – вот что необратимо, ибо чревато последствиями!

Возвращаясь к вопросу, поставленному перед мастерами экрана и сцены.

Можно, конечно, играть в благообразных царей и благородных царских героев, можно ставить спектакли и фильмы, обличающие царевубийц, но всё это не стоит и ломаного гроша, если однажды (всего лишь однажды!) ты пойдёшь на предательство того, что освещает Господом ("не прикасайтесь в помазанным Моим"), если встанешь в общий ряд с теми, кто изгадил святыню, кто поднял руку на то, на что не должно быть всякого честного и порядочного (уж тем более, верующего!) человека.

Речь, в том числе, и о предательстве России.

Предупреждая возможные возражения со стороны заступников за наших выдающихся деятелей искусства, в том, что они (по крайней мере, большинство из них) по своему любят родину и Россию, что они не меньше патриоты, чем те, кто противостоят "Матильде", что они беззаветно... своим талантом и творчеством... своей гражданской позицией... всем сердцем... (и т.д.).

Отвечу.

Давным-давно, на одной городской площади собралось сборище патриотов, беззаветно любящих своё дорогое отечество и ради него устами этой своей горячей любви воплящих: "Распни! Распни его!"... "кровь его на нас и детьях наших!"... Были там и те, кто не скандировал, молчал, но был причастен, волюно или не волюно, к этому активному сборищу, и был солидарен с ним в священном праве на самовыражение, на свободу волеизъявления...

Что стало потом с этим отечеством, надеюсь, все помнят.

Остаётся добавить, что вопрос, вынесенный в подзаголовок, – в силу его цены вполне уместно задать не только мастерам экрана и сцены, не только деятелям культуры, но и всем остальным, чей голос имеет вес и публичную значимость, вплоть до первых лиц государства.

Цена высока.

Цена такая, что в случае победы тех, кто оказался заодно с царевубийцами и царехулиателями, расплачиваться придётся всем – виновным и невиновным.

Работает Божественный закон мироздания: *любое деяние не проходит без воздаяния...*

А тут ещё какой-то египетский частный телеканал доказывает, что надо возвращаться в Египет, там сейчас ужин, а на ужин... макароны!

Уставшие путешественники выключают телевизоры, и берут в руки местные газеты. Но вместо статей, вдохновляющих иудеев на долгий путь, в газетах

их только ругают. А всё потому, что во всех редакциях хозяйничают представители каких-то других племён. А они пишут, что никакого особого пути у беглецов из Египта нет, и быть не может. И всякие разговоры о каком-то избранном народе есть мерзкий антихананизм и дремучее афросотенство.

Авторитетные политологи из числа филистимлян и племён хабири – уверяют, что будущее за язычеством и, что-бы по Палестине текли реки молока и мёда, – надо сделать золотого тельца. Спустится Моисей с горы Синай, сядет на первый попавшийся камень и задумается: что и кому говорить? Куда звать – при таком раскладе?

Вот так и мы – остановились в раздумьях, куда идти с таким хаосом в общественном сознании?

Митрополит Филарет Мудрый и Александр Пушкин (икона)

Почему сегодня русская литература не в чести у властителей? Почему по телевидению нет ни литературных вечеров, ни дискуссий с писателями и поэтами? Почему давно отменены поездки писателей по стране с выступлениями и концертами через Бюро пропаганды? Почему нет государственной поддержки ни художественным журналам, ни издательствам, почему по всей России закрываются книжные магазины и библиотеки?

В своё время император Николай I после встречи с Пушкиным сказал своим придворным: сегодня разговаривал с умнейшим человеком. С каким из умнейших писателей хоть раз беседовал Владимир Путин: не спеша, один на один: с Валентином Распутиным, с Василием Беловым, с Юрием Бондаревым, с Александром Прохановым, с Владимиром Личутиным, с Эдуардом Лимоновым, с Андреем Битовым?

Русскую литературу, и не только современную, но классическую, давно уже не жалуют власти всех мастей. И я понимаю, почему? Литература им не подвластна. Денежное влияние можно контролировать, чиновничья власть управляется строго по вертикали, а что ты сделаешь гениальному

нечто же, в советское время из литературы попытались создать эрзац религии. Имело место гипертрофированное почитание одних деятелей "золотого" и "серебряного" века при полном игнорировании других. Многочисленные памятники Пушкину и бесконечное восхваление его на фоне очень скромного отношения к Тютчеву, Батюшкову, Фету, почти полного исключения большинства поэтов, которые всю жизнь были консерваторами. Подчёркивание Толстого и глухое отношение к Достоевскому. При полном игнорировании Загоскина, Аксакова, Булгарина – подчёркивание, в общем, таких абсолютно второстепенных в литературе фигур, как Герцен... Всё это создавало квазирелигию. И я с этой квазирелигией не согласен. Я считаю, что литература – это не священное сообщество...".

Во-первых, никто не трактует русскую литературу как религию, и то, что в советское время благодаря писателям мы вспоминали о Боге, а священники тогда тихо сидели в сторонке, и в споры не влезали, это скорее подвиг

Владимир БОНДАРЕНКО

Русское слово

поэту, будь то Юрий Кузнецов или Иосиф Бродский, когда они говорят неугодное властям? Влияние великих писателей никаким властям не подвластно. Разве что расстреляешь, или посадишь в тюрьму, но это по нынешним временам неполиткорректно. И поэтому большая русская литература выведена за скобки, в сферу или развлечения, или элитарной игры. "Тягалою жесть сердца людей", пророчествовать – ныне строго не допускается.

Впрочем, так было всегда, вспомним, как петрашевцев, а среди них и Фёдора Достоевского, приговорили к смертной казни всего лишь за чтение письма Белинского Гоголю. Не за попытку государственного переворота или измены, не за воровство или измоидство, процветавшие и в те времена, а за всего лишь литературный спор двух великих писателей.

Хорошо, что уже в момент казни, на Семёновском плацу, царь наш заменил смертную казнь годами каторги. Да и в наши дни отсидел свой срок в тюрьме писатель с мировым именем Эдуард Лимонов, были под следствием Юрий Петухов и Владимир Сорокин. Да и на меня за беседу с Александром Зиновьевым, опубликованную в газете "День", возбуждали уголовное дело.

Россия всегда, во все века жила Словом, большой Идеей. Поразительно верно об этом написал наш гений Николай Гумилёв:

*Вный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Может, потому Бог и наградил Россию великой литературой. Пока жива была в народе Идея, жива была великая литература – жила и Россия. Даже в самые суровые сталинские времена художественное Слово очень ценилось, даже с перебором, за него могли и расстрелять, как Ключева и Мандельштама, могли сослать в Сибирь.

Зато сейчас, с началом разрушительной перестройки, когда была долта разрушена великая промышленность, ликвидированы тысячи научных центров, разорено сельское хозяйство, разрушено было в России и то самое великое Слово, оно перестало влиять на общество, его власти оградили от народа.

*Но забыли мы, что осияно
Только слово срьёбь змных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.*

Как бы нынче ни старались хоть частично восстановить науку и промышленность, пока Слову не будет возвращено былое влияние, без возрождения великой литературы Россия никогда не восстановится.

Это новая форма социальной фобии – боязнь писателей, боязнь больших Идей русского народа, боязнь выражения этих Идей в Слове... Сегодня мы наяву видим неадекватные реакции советников по культуре, ненависть к русскому таланту. Для сегодняшнего дела публичному Слову русского писателя поставили предел...

Сколько бы нефти ни лилось, сколько бы газа ни выкачивалось, и даже, не побоюсь это сказать, сколько бы храмов ни открывалось, без достойного доверия к русской литературе не будет и народного подъёма.

Цитируют к месту и не к месту сомнительные стихотворения о немой России, приписывая его Михаилу Лермонтову. Или советники по культуре у президента такие же "немые", или же осознано Слову поставили пределы?

*Мы ему поставили пределом
Скюдные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.*

Увы, Россия без большой литературы – страна мёртвых слов. И хоть немало в нынешней России талантливейших писателей, держат их где-то на обочине, не допуская до народного сознания. Казалось бы, в любые времена, имей страна таких писателей, как современные живые русские классики Владимир Личутин, Александр Проханов, Анатолий Ким, Виктор Лихоносов, Андрей Битов, Юнна Мориц, Станислав Куняев; таких, набравших полную силу, уверенных в себе лидеров, как Дмитрий Новиков, Захар Прилепин, Алексей Иванов, Евгений Чебакин, Олег Павлов, Алексей Варламов, Светлана Сырнева, Алексей Шорохов – талантливейшая молодёжь, и вся Россия должна бы погрузиться в их книги, проводить их вечера и фестивали, слушать их живые выступления по телевидению. Но будто бы по какому-то тайному приказу всю русскую талантлившую литературу держат на обочине, не допускают до читателя, замалчивают, утаивают.

А в центр внимания выставляют ничего не значащих авторов мёртвых слов, пусть и талантливо технически написанных, таких как Дмитрий Быков или Людмила Улицкая. К СМИ и телевидению допускаются лишь писатели опустелого улья. Впрочем, даже и им, своим любимчикам, власть полную волю не даёт. Я представляю, какие бы жаркие дискуссии в прессе и на телевидении шли по книге Дмитрия Быкова "Один" в былые литературоцентричные времена, или по книге Дины Рубиной "Бабий ветер". Но – любая литература, левая, правая, русская или русофобская – сегодня вне общественного внимания. Никакой Константин Эрнст не допустит русских писателей до своего телеканала.

И вот в такое время мёртвых слов неожиданно к разрушителям русской литературы присоединяется наша православная Церковь. Ладно бы она обрушилась на дурно пахнущее телевидение, на нынешние извращённые выкрутасы псевдоянаторов, нет, церковные иерархи обрушились на всю великую русскую классику, от Пушкина до Толстого, от Достоевского до Чехова, решили, воспользовавшись случаем, уничтожить до корня русскую классику.

Если бы на уничтожение русской классики накинудись парочка-другая церковных ортодоксов, это было бы не страшно, но возглавили этот антипушкинский заговор почти все церковные иерархи...

Отец Всеволод Чаплин, не последний человек в церковной иерархии, прямо сказал: "В начале XX века и потом, ко-

русской советской литературы, и отнодь не еретический. Заявлять сейчас, мол, светская литература вредна для сознания русского человека, отвлекает его от религии, а культ русской классической литературы мешал православному сознанию, и был создан искусственно, насаждался сначала интеллигенцией царской России, а затем советской властью, – это значит, смыкаться с самыми лютыми русофобами, ныне уничтожающими русскость во всех проявлениях.

Полнейший бред, неожиданно, в самые тяжёлые для русской литературы времена утверждаемый ныне высшими церковными иерархами. Решили воспользоваться варварским отношением к русской литературе наших властей и очистить себе место под солнцем. Будто русская литература хоть где-то когда-то отрицала Бога. Впервые в жизни я прочитал в церковной прессе слово "пушкиноцентризм", с издёвкой в адрес нашего русского гения. А уж что говорить о Достоевском или Булгакове?

И на самом деле, ещё в 1891 году высокий царский чиновник А.Родонский в своём докладе для Учёного комитета Министерства народного просвещения вопрошает: "На что деревенскому мальчику, школьнику и простолюдину знать "Демона"?". Прошло сто с лишним лет, а вопрос всё тот же, теперь уже у наших церковных иерархов.

Как утверждает священник Всеволод Чаплин: "Здесь не правы все. В том числе и Достоевский... Он ведь один из родоначальников богословского модернизма, на самом-то деле. Более опасный, чем Лев Толстой. Потому что Толстой был явный враг, а Достоевский – гениальный писатель, с совершенно гениальными интуициями как политическими, так и религиозными, но всё же богословский модернист. Деятельная любовь не спасает человека от ада. Как сказал святитель Игнатий Брянчанинов, "добродетели падшего естества нисходят в ад". Спасают истинная вера и действие самого Бога в человеке, в человеческой жизни, проявляющиеся в том числе и через добрые дела, но не только через них. Добрые дела – не главное. Деятельность вообще – не главное. Это то, что должно естественным образом прилагаться к истинной вере и к таинственной, ехвхаристической жизни человека во Христе. Но если вот этой жизни во Христе нет, то все добрые дела – прах, и даже могут быть опасны, потому что стимулируют гордыню, и тут приходится даже говорить о такой чудовищной, антиевангельской вещи, как пиар добрых дел. Почитайте Нагорную проповедь – там такое поведение прямо осуждается! Благотворительность напoказ – это нечто такое, что полностью убивает смысл этой благотворительности..."

Наш критик Вячеслав Лютый достойно ответил церковным фарисеям: "В Самаре на чтениях, посвящённых жизни и творчеству русского поэта, прозвучала речь православного священника, в прошлом обретавшегося на кафедре научно-коммунизма или истории КПСС. Главной идеей его наставления была следующая мысль: Пушкин греховен – по жизни и по стихам; учителем сегодняшнему русскому человеку он быть не может; вместо отечественной литературы необходимо читать сочинения святых отцов.

Сказал – ну, и ладно... Мало ли теперь идиотов, проникших даже самыми лучшими доктринами..." И далее Лютый продолжил: "Книжность и фарисейство – вот, пожалуй, самые тяжкие недостатки современного духовенства. В этой среде много людей поразительных нравственных и человеческих достоинств, у которых поэзии – сложный, подчас омытый кровью и смертью товарищ жизненный путь. Они терпеливы в своём подвижническом труде и знают цену человеческим поступкам.

Однако рядом часто появляются фигуры мелкотравчатые, стремящиеся возвыситься на церковном поприще. Почти всегда у них прошлые годы наполнены неурядицами скорее житейскими, как раньше сказали бы – мешанинами. Однако лукавый сжимает в кулаке их сердце, и вот уже человек без собственной личности поучается, упрекает, переносит свою и чужую вину на собгённые плечи окружающих мирян. Безо всякого стеснения литературно бездарный Георгий Селин отвергает высокую русскую классику, которая во многом воспитала советского человека в преддверии Отечественной войны, едва не предаёт анафеме философа Георгия Федотова, а уж Льва Толстого в ином своём рассуждении жестоко рекомендует убрать с книжной полки, лапидарно упрощая вопрос об отлучении писателя от церкви, о чём даже в "Православной энциклопедии" сказано в достаточной мере деликатно и подробно.

Перед нами – открытый в своём чиновничьем бесстыдстве шаг в сторону воцерковления русской художественной литературы. Шаг беспринципный и разрушительный, поскольку традиционно отечественное литературное пространство пронизано токами искусства и православия..."

Вышла и целая книга церковной публицистики, направленная против нашей великой литературы. Называется "Загадка 2037 года". Ладно уж никчемный и бездарный священник Георгий Селин в этой книге распинается о греховности всей литературы, но там же и уважаемый мною, печатаемый в нашем "Дне литературы" поэт, автор блестящих песен иеромонах Роман. Ему-то чем русская литература не угодила? Читаю слова иеромонаха Романа: "Помню, в университете педагог просвещала: "Вот ругают Пушкина за его легкомысленные связи с женщинами. Но зато какие стихи он писал потом!". Оправдала. Как будто на Страшном Суде писание стихов окажется весомее исполнения заповедей Христовых... Достоевский сказал: "Пушкин наше всё". Даже громко... Христос наше всё!"

Опомнитесь, иеромонах Роман. Во-первых, "Пушкин наше всё" – сказал не Достоевский, а Аполлон Григорьев, глубоко верующий русский человек, а во-вторых, эти слова относились лишь к миру русской литературы.

Надо ли вам так снижать уровень Христа до всего лишь лидера литературы. Может, вы его ещё лучшим булочником или лучшим аптекарем назовёте? "Пушкин наше всё" в литературе, Сеченов в медицине, Чайковский и Рахманинов – в музыке...